

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-6-20

УДК 338.242(045)

JEL E65, O25, M11, R12

Локализация производства: международный опыт и императивы России в условиях санкционного режима

Т.Н. Тополева

Удмуртский филиал Института экономики Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблематики локализации производства, получившей особую актуальность в условиях новых вызовов, характеризующихся беспрецедентным усилением санкционного режима в отношении российской экономики и предопределяющих необходимость создания национальных производственных цепочек полного цикла, реконфигурации отраслевых стратегий, трансформации производственных бизнес-моделей в контексте стратегических целей импортозамещения. **Целью** исследования является обобщение и оценка международного опыта локализации производства, а также анализ состояния данного процесса в отраслях российского производственного сектора, который с 2014 г. функционирует под действием блокирующих и секторальных санкций коллективного Запада. В процессе исследования использован комплекс общенаучных **методов**, в том числе: аналитический, логический, монографический, интерпретация, синтез, а также метод графической визуализации. Методологическая основа исследования включает совокупность классических и неоклассических концепций пространственной организации экономики, теории инновационного роста и кластерного развития. Представлен фрагментарный обзор международного опыта локализации производства. Проведен **анализ** механизмов государственной промышленной политики, содействующих решению задач локализации и импортозамещения с учетом стратегических приоритетов России. Систематизированы преимущества локализации в практике заключения специальных инвестиционных контрактов (СПИК). Обозначены ее отраслевые особенности в автопроме, энергетическом машиностроении и авиастроении. Сделан **вывод** о необходимости формирования эффективной стратегии локализации, преодоления декларативного характера импортозамещения в ключевых отраслях реального сектора российской экономики с выходом на решение задач обеспечения национальной безопасности и технологической независимости. Практическая значимость **результатов** исследования состоит в возможности их использования в области программно-проектного управления и разработке стратегий развития национального и регионального уровней.

Ключевые слова: локализация производства; промышленная политика; импортозамещение; кластеризация; специальный инвестиционный контракт; эффективность

Для цитирования: Тополева Т.Н. Локализация производства: международный опыт и императивы России в условиях санкционного режима. *Управленческие науки*. 2022;12(2):6-20. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-6-20

ORIGINAL PAPER

Localization of Production: International Experience and Imperatives of Russia in the Conditions of Sanctions Regime

T.N. Topoleva

Udmurt Branch of Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Science, Izhevsk, Russia

ABSTRACT

This article is dedicated to the study of production localization problem which became especially topical in conditions of new challenges characterized by the unprecedented strengthening of sanctions regime towards Russian economy and predetermining the necessity to create national manufacturing chains of full cycle, reconfiguration of the sectoral policies, transformation of business models in context of strategic goals of the import substitution. The purpose of the

© Тополева Т.Н., 2022

article is to generalize and evaluate international experience of localization of production, as well as to analyze the state of this process in the branches of the Russian manufacturing sector, which since 2014 has been under the action of the blocking and sectoral sanctions of the collective West. In the research process, a complex of general scientific methods was used, including: analytical, logical, monographic, interpretation, synthesis, as well as a method of graphical visualization. Methodological base of the study includes the set of classical and neo-classical concepts of the spatial organization of the economy, theory of innovative growth and cluster development. Fragmentary overview of production localization international experience is given. We have carried out analysis of mechanisms of the state industrial policy, contributing to the problems solution of the localization and import substitution, taking into account strategic priorities of Russia. The advantages of localization in practice of special investment contract (SPIC) conclusion were systematized. Its sectorial features in automotive industry, power engineering industry and aircraft building were stated. We have made a conclusion about the necessity of forming of effective localization strategy, overcoming of declarative character of import substitution in the key spheres of real sector of Russian economy which will help to solve the problems of national security provision and technological independence. Practical significance of the results of the study consists in the possibility of its use in the sphere of program and project management and development of strategies of national and regional levels development.

Keywords: production localization; industrial policy; import substitution; clustering; special investment contract; efficiency

For citation. Topoleva T.N. Localization of the production: International experience and imperatives of Russia in the conditions of sanctions regime. *Management Sciences*. 2022;12(2):6-20. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-6-20

ВВЕДЕНИЕ

Обращаясь к этимологии и семантическому содержанию термина «локализация», происходящего от латинского «*locus*» (место) и используемого в нескольких контекстных значениях различных научных дисциплин, следует отметить, что в широком смысле суть его сводится к концентрации изучаемого объекта в пространстве или же к возведению ограничений и пределов. С точки зрения экономики локализация предполагает иерархию, обусловленную заданным уровнем объекта:

- микроуровень (отдельные предприятия или их группы);
- мезоуровень (городские агломерации, регионы, отрасли);
- макроуровень (страны, межнациональные объединения).

В рамках настоящего исследования локализация рассматривается применительно к производственным системам, преимущественно на мезоуровне, а также в качестве объекта управленческого воздействия в русле пространственного подхода, предусматривающего совершенствование размещения производительных сил и решение государственных задач территориального развития.

Процесс локализации производства как область приложения управляющей системы опосредует логику изменений, коррелирующих с базовыми аспектами типологизации инноваций Й. Шумпетера: создание новых видов благ или их новых качеств, организация производств и внедрение

новых технологий, освоение новых рынков сбыта и источников сырья, организационная трансформация [1].

Истоки научного интереса к проблематике локализации производства восходят к классическим и неоклассическим зарубежным теориям пространственного размещения, описанным в работах И.Г. фон Тюнена [2], А. Вебера [3], В. Кристаллера [4], А. Леша [5] и др. Поиск оптимальной структуры экономического пространства продолжался в работах У. Айзарда [6], А. Преда [7], П. Потье [8], Ф. Перру [9] и др. В ряду современных авторов, развивающих теорию и моделирование размещения хозяйственной деятельности, следует отметить П. Кругмана [10], Р. Ромер [11], М. Портера [12] и др. Содержательные характеристики локализации производства содержатся в работах отечественных исследователей: Н.Н. Колосовского [13], А.Г. Гранберга [14], А.И. Татаркина [15], В.И. Суслова [16], Ю.Г. Лавриковой [17] и др.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОГРАММ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

В международной практике различные аспекты локализации стоят на повестке дня правительств с 1970-х гг. XX в. Одной из первых стран, реализующих в рамках промышленной политики комплексную программу развития локализации производства, стала Норвегия. Это было обусловлено национальной стратегией, ориентированной на поддержку производственного сектора, развитие научных исследований, технологический

трансфер, разработку нормативных требований к локализации и регуляторных методов по их соблюдению.

Несмотря на благоприятные макроэкономические условия и наличие развитого промышленного комплекса, правительством Норвегии был признан факт недостаточности инновационных и технологических компетенций в развивающемся нефтегазовом секторе, в связи с чем он попал под воздействие прямого государственного регулирования. В частности, иностранные нефтегазовые компании активно стимулировались к интеграции с норвежскими производителями и научно-исследовательскими институтами в сфере НИОКР. Технологический трансфер и инвестиции стали важнейшим элементом процесса лицензирования. Так, одним из главных условий выдачи лицензии на недропользование являлось осуществление компаниями не менее 50% всех необходимых НИОКР на территории страны. Протекционистская политика сопровождалась поддержкой процессов кластеризации экономики, в том числе, через специальные программы “NCE”, “Arena”, а также создание сети промышленных парков и инкубаторов [18]. Наукоемкий бизнес развивался в коллаборационных партнерствах с научно-образовательным сектором и конверсионными предприятиями. Кроме того, вопреки утверждениям о необходимости создания льготных налоговых режимов для инвесторов, вкладывающихся в разработку месторождений, данный механизм стимулирования не был применен. Тем не менее особую роль сыграл целый ряд других преимуществ, в частности: политическая и правовая стабильность страны, эффективное администрирование, поддержка геологического изучения шельфа, близость к европейским рынкам [19].

Норвежский многоотраслевой нефтегазовый кластер, включающий свыше 1300 компаний с количеством занятых более 120 тыс. человек, сформировался благодаря последовательной реализации протекционистских мер, соответствующих целям национальной стратегии. Предприятия, входящие в его состав, располагаются по всей цепочке добавленной стоимости нефтегазовой отрасли, в том числе на уровне высших переделов. В результате страна обеспечила себе мировое лидерство в производстве стационарных нефтедобывающих платформ. Объем продаж кластера превышает 20 млрд долл. для внутреннего и 30 млрд долл. для

внешнего рынка. Реализация нефтегазового оборудования и его сервисное обслуживание стали ведущими статьями экспорта страны, уступая лишь продаже углеводородов. Если на этапе становления отрасли добыча сдерживалась во избежание перегрева экономики, то начиная с 2000-х гг. произошел разворот на усиление конкурентного механизма для максимальной мобилизации источников отраслевого роста [20].

Таким образом, выбор инновационного вектора на основе внедрения комплексной программы локализации производства способствовал достижению Норвегией глобального лидерства в области шельфовых технологий, росту экономики и усилению конкурентных позиций в мирохозяйственном пространстве.

Представляет интерес пример стимулирования локализации в секторе производства ветряных турбин Канады. Мощности отрасли ветровой энергетики в мире увеличиваются вдвое каждые 3–4 года, ее доля в производстве электроэнергии превысила 4%, темпы роста достигают 20% ежегодно [21]. В 2000-х гг. этот рынок контролировали пять стран: США, Китай, Испания, Германия, Индия. Но уже к середине 2010-х гг. к группе крупнейших рыночных игроков присоединилась Канада. Рост отрасли был обусловлен целенаправленными государственными мерами по поддержке локализации. В настоящее время ветровая энергетика занимает второе место в стране после гидроэнергетики. По прогнозам экспертов, к 2025 г. будет установлено свыше 20 тыс. ветровых турбин, и отрасль в результате получит 20% мирового энергетического рынка. Регуляторные механизмы производства электроэнергии возложены на региональные органы государственной власти, федеральный центр контролирует преимущественно сектор ядерной энергетики. Это предопределяет как существенные различия в тарифной политике регионов, так и специфику региональной и муниципальной проектной регламентации, а также особенности лицензирования ветровой энергетики. Региональные администрации применяют так называемый «зеленый тариф» (feed-in-tariff). Так, в провинции Онтарио данный экономический и политический механизмы активно используются для привлечения инвесторов в технологии возобновляемых источников энергии [22]. Производители «зеленой энергии» получают долгосрочный контракт на ее производство, гарантию подключения к сети

и определенную надбавку к стоимости. Комплекс мер способствует рентабельности производства с учетом высокой капиталоемкости отрасли. Кроме того, государственная политика стимулирования локализации направлена на привлечение инвестиций и в обрабатывающий сектор «зеленой» энергетики. Норматив локализации для поставщиков оборудования составляет 25% от объемов производства в проектах ветровой энергетики, в проектах солнечной энергетики он достигает уровня 60%. Благодаря механизму стимулирования в секторе скопилось свыше 30 млрд долл. инвестиций, что позволило создать в Онтарио развитой комплекс ветровых и солнечных кластеров.

Далее хотелось бы остановиться на опыте Бразилии, которая пошла по пути дифференциации целевых показателей локализации для отдельных групп товаров в поиске баланса между эффективностью и реалистичностью методов промышленной политики [23]. В автомобильной отрасли государство, не имея практически никаких активов, обозначило довольно четкие стратегические приоритеты ее развития. С середины 90-х гг. XX в. производство осуществлялось в периферийных регионах страны, и его структура претерпела существенные изменения в части увеличения доли малогабаритных и недорогих моделей. Государственный интерес заключался в привлечении новых компаний, ранее не работавших на территории Бразилии, для преодоления консерватизма отраслевых лидеров — дочерних компаний General Motors, Ford и др., базировавшихся предприятия в регионах высокого спроса и ориентированных на высокодоходный рыночный сегмент. Основным регуляторным инструментом политики стал налог на промышленную продукцию. Власти заинтересованных в локализации регионов обнуляли соответствующий налог для производителей (ставка 25%), предоставляли им субсидии и земельные участки на безвозмездной основе. Результат используемых мер был положительным, поскольку к 2010-м гг. доля автомобилей в доступном ценовом сегменте в общем объеме выпуска превысила 75% [24]. Стимулируя развитие автопрома, правительство своевременно реагировало как на рыночные запросы потребителей, так и на стремление производителей к освоению новых территорий с более доступными (дешевыми по сравнению с центральными регионами) трудовыми и земельными ресурсами, предоставляя им в этих местах уже зачастую раз-

витую инфраструктуру, что было, безусловно, привлекательным с точки зрения снижения издержек по капитальному строительству. С 2012 г. начался новый этап, связанный со смещением основных акцентов промышленной политики в направлении поддержки локализации НИОКР в структуре автомобилестроения. Это, в том числе, было связано со снижением уровня конкурентоспособности, так как несмотря на высокие таможенные пошлины, 25% всех продаваемых в стране автомобилей были импортными. Правительство разработало программу «Inovar Auto», зафиксировавшую все стадии производственного цикла, в соответствии с которой каждый производитель должен был в трехлетний период увеличить ассигнования на НИОКР до уровня 5% от годовой выручки и производить не менее половины комплектующих в рамках «Mercosur» (экономическое соглашение стран Южной Америки) [25]. Успеху реализации данной программы способствовали не только меры дифференциации налогового режима, но и масштабы внутреннего рынка страны, а также значительные объемы инвестиций в автомобилестроение.

В секторе микроэлектроники и ИТ Бразилии реализуется модель отраслевого стимулирования, которая с 1991 г. периодически модифицируется узкоспециализированными программами [26]. Отдельно созданная номенклатура элементов (стадий) производственных процессов положена в основу методики оценки степени локализации производства. Нарращивание показателя локализации дает право на фискальные льготы (снижение налогов на промышленную продукцию и на добавленную стоимость) в среднем на срок до 5 лет по каждой продуктовой позиции производителя. Заявленными требованиями предусмотрено, что для получения преференций необходимо 5% доходов от производства направлять на НИОКР с участием государственного фонда научного и технологического развития. С начала 2000-х гг. реализуется векторная поддержка локализации разработки программного обеспечения. Данный сектор существенно вырос в последние годы благодаря принятому закону о взаимодействии бизнеса с университетами, в соответствии с которым налоговые льготы предоставляются не только крупным игрокам, но также малым и средним компаниям, вовлеченным в совместные проекты по созданию программных продуктов. Высокий уровень результатов демонстрирует крупнейший в Бразилии

технопарк «Porto Digital», локализуя экспортно ориентированных производителей инноваций, в том числе в сфере IT-технологий. В 2020 г. были достигнуты стратегические цели — обеспечение занятости 20 тыс. специалистов и генерация на базе технопарка 400 инновационных компаний. В результате можно утверждать, что в настоящее время технопарк является якорным элементом устойчивого развития не только экономики региона Пернамбуку, но и всей национальной [27].

Подводя итог фрагментарного охвата международного опыта локализации, следует отметить долгосрочный характер, ситуативный протекционизм, региональную ориентированность и последовательную инновационную направленность соответствующих программ в отраслях производственного сектора рассматриваемых зарубежных экономик, а также постепенное смещение целеполагания государственной политики с создания прямых связей (развитие национального перерабатывающего сектора) на формирование обратных связей (технологический трансфер, создание добавленной стоимости в секторе ресурсных поставок, рост долевого участия в собственности компаний).

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Прежде чем перейти к анализу опыта локализации в современной России, следует отметить, что национальная экономика на протяжении последних 8 лет находится под действием блокирующих и секторальных санкций США и Европейского союза, которые распространяются на предприятия различных ее отраслей. На данный момент можно констатировать кратное усиление санкционного давления. При этом локализация производства остается одним из магистральных направлений промышленной политики России.

С 2012 г. реализуется механизм кластеризации экономического пространства посредством интеграции производственных систем, которые через синергию инновационно-инвестиционного взаимодействия обеспечивают динамику хозяйственных процессов территорий кластерного размещения [28]. Локализация в данном контексте способствовала усилению экономической самодостаточности и конкурентоспособности регионов. В настоящее время в стране насчитывается 115 кластеров, в том числе 50 промышленных

и 27 инновационных территориальных: в авиационном, автомобилестроении, приборостроении, нефтехимии, фотонике, фармацевтической и медицинской промышленности, в других отраслях¹. Объем продукции, ежегодно производимой их участниками, превышает 1,3 трлн руб. [29].

В 2021 г. Правительство РФ, заявив о «перезагрузке кластерной политики», возобновило их поддержку. В частности, был утвержден новый порядок конкурсного отбора, установлен адресный характер субсидирования стратегически важных комплектующих, включенных в отраслевые планы импортозамещения Минпромторга РФ. Акценты существенно сместились на поддержку локализации компонентной базы.

Помимо кластерных систем, локализация реализуется на территориях с преференциальными режимами, таких как: особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего развития (ТОР), промышленные парки и технопарки, инновационные научно-технологические центры (ИНТЦ) [30–32], что способствует решению не только связанных с ней задач, но и импортозамещению в соответствии с приоритетными целями государства по достижению устойчивого экономического роста и технологической независимости [33]. Основные результаты экономической деятельности промышленных кластеров и территорий с преференциальными режимами представлены в *табл. 1*.

В условиях нарастания экономической турбулентности государство сосредоточено на последовательном формировании благоприятной инвестиционной среды для компаний, создающих новые и модернизирующие действующие производства [34]. Минпромторг РФ, опираясь на Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ² «О промышленной политике в Российской Федерации», разработал ряд финансовых и нефинансовых мер поддержки, реализующих преференции для национальных и зарубежных компаний, инвестирующих в проекты локализации.

Так, финансирование отраслевых проектов осуществляется по линии Фонда развития промышленности (ФРП), предоставляющего льготное кре-

¹ По данным Российской кластерной обсерватории. URL: <https://cluster.hse.ru/> (дата обращения: 05.04.2022).

² Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 02.04.2022).

Таблица 1 / Table 1

Основные результаты экономической деятельности промышленных кластеров и территорий с преференциальными режимами в Российской Федерации (по состоянию на 01.01.2021 г.) / Main results of economic activity of industrial clusters and territories with preferential regimes in the Russian Federation (as of 01 January 2021)

Инструменты развития территорий / Territory development tools	Количество, ед. / Quantity, un.	Новые рабочие места, тыс. / New jobs, thous	Объем инвестиций резидентов (инициаторов проектов), млрд руб. / The volume of investments by residents (project initiators), billion rub.	Объем выручки, млрд руб. / Revenue, billion rubles	Налоги и сборы, млрд руб. / Taxes and fees, billion rub.
Промышленные кластеры	50	10,2	15,9	—	12,0
ОЭЗ технико-внедренческие	7	23,4	232,2	438,0	67,1
ОЭЗ промышленно-производственные	15	20,8	304,6	812,0	80,0
ОЭЗ портовые	1	785	4,8	4,1	0,55
Промышленные парки	258	9,3	181,0	—	—

Источник / Source: составлено автором по данным Минпромторга РФ. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/> (дата обращения: 20.03.2022) / composed on the basic research of Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/> (accessed on 20.03.2022).

дитование в рамках целого ряда программ, в числе которых «Приоритетные проекты»³, «Проекты развития»⁴, «Проекты развития с региональными ФРП»⁵, «Конверсия»⁶ и др. Займы ФРП под 1–3% годовых предназначены для компаний, внедряющих передовые технологии, создающих новые продукты и организующих импортозамещающие производства⁷.

МЕХАНИЗМ СПЕЦИАЛЬНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КОНТРАКТА (СПИК)

В рамках данного исследования хотелось бы более подробно остановиться на механиз-

ме специального инвестиционного контракта (СПИК) — соглашения государства и инвестора, целью которого является привлечение крупных капиталовложений в создание новых производственных систем, разработку и внедрение технологий производства промышленной продукции, конкурентноспособной на мировом рынке. СПИК вписывается в логические контуры политики импортозамещения, являясь примером практической реализации государственного стратегирования в национальном промышленном комплексе [35]. Сторонами СПИК, наряду с Российской Федерацией, могут выступать и ее субъекты, и (или) муниципальные образования. Оператором выступает Фонд развития промышленности.

В 2015 г. в контексте стимулирования локализации на уровне СПИК Правительством РФ были разработаны специальные требования, определяющие «российский статус» промышленной продукции. Первоначальный формат СПИК 1.0 модернизирован в 2019 г. в обновленную версию СПИК 2.0. Целевая направленность контрактного механизма сместилась с решения сугубо инвестиционных задач развития на инновационную

³ Сайт ФРП. Приоритетные проекты. URL: <https://frprf.ru/zaumu/prioritetnye-proekty/> (дата обращения: 04.04.2022).

⁴ Сайт ФРП. Проекты развития. URL: <https://frprf.ru/zaumu/proekty-razvitiya/> (дата обращения: 04.04.2022).

⁵ Сайт ФРП. Проекты развития с регфондами. URL: <https://frprf.ru/zaumu-regfondy/proekty-razvitiya-s-rfpr/> (дата обращения: 05.04.2022).

⁶ Сайт ФРП. Конверсия. URL: <https://frprf.ru/zaumu/konversiya/> (дата обращения: 05.04.2022).

⁷ Сайт ФРП. Федеральные займы. URL: <https://frprf.ru/zaumu/> (дата обращения: 05.04.2022).

Таблица 2 / Table 2

Преимущества локализации производства в Российской Федерации в контексте реализации механизма специальных инвестиционных контрактов / Advantages of localizing production in the Russian Federation in the context of implementing the special investment contracts mechanism

Направление / Direction	Преимущества / Advantages
Рыночный потенциал	– Пространственный аспект географического и геополитического статуса России между Европой и Азией; – доступ к российскому рынку и рынкам Евразийского экономического союза (ЕАЭС); – объем ВВП стран ЕАЭС – 1425 млрд долл., торговый оборот – 64 млрд долл.
Налоговые преференции	– Возможность обнуления ставки налога на прибыль в федеральной части; – возможность снижения ставок региональных и муниципальных налогов (имущественного, транспортного, земельного); – гарантии неповышения совокупной налоговой нагрузки с момента заключения контракта до даты окончания действия СПИК либо даты окончания действия преференций
Доступ к государственным и муниципальным закупкам	– Облегченный доступ к госзаказу; – возможный статус «единственного поставщика» в рамках СПИК; – неконкурентные закупки; – возможность заключения договоров аренды земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности без проведения торгов
Поддержка отраслей промышленного комплекса	– Займы и консалтинг ФРП; – государственные субсидии; – оптимальная договорная модель для заключения СПИК (федеральный, региональный, муниципальный уровень); – возможность заключения СПИК для проектов модернизации производства на существующих площадях (без реконструкции, строительства новых объектов)
Государственная информационная система промышленности	– Цифровое взаимодействие субъектов промышленности; – навигатор мер государственной поддержки; – «единое окно» для сдачи отчетности; – каталог промышленной продукции, технологий и услуг; – навигатор инвесторов, заказчиков, поставщиков промышленной продукции

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

составляющую — разработку и трансфер технологий в промышленности, а также создание новых компетенций для российской экономики в целом. Кроме того, в интересах корпоративного сектора был отменен минимальный инвестиционный порог (750 млн руб.), сроки действия контрактов увеличены до 15–20 лет.

Непосредственно для реализации специальных инвестиционных контрактов утвержден перечень современных технологий, который периодически актуализируется и соотносится с целями импортозамещения для того, чтобы в первую очередь сфокусироваться на производстве критической продукции, попавшей под действие санкционного режима. Безусловно, при отборе имеет значение и перспективная технологическая повестка.

Механизм СПИК закрепляет за инвесторами обязательства по повышению уровней произ-

водства и локализации. При этом производители получают ряд преимуществ, таких как: налоговые преференции, статус единственного поставщика продукции для госзакупок (если размер инвестиций превышает 3 млрд руб.), компенсация затрат на экспорт, банковское кредитование и проведение НИОКР и др. Систематизация преимуществ локализации производства в контексте реализации СПИК представлена в табл. 2. Важнейшими факторами инвестиционного стимулирования являются заявленная неизменность условий ведения бизнеса на весь срок реализации контракта и государственные гарантии фиксирования (неповышения) совокупной налоговой нагрузки.

Суммарный объем инвестиций в промышленность по линии СПИК в текущем году превысил 977 млрд руб., в том числе заявленные инвестиции в подписанные контракты формата СПИК 2.0 со-

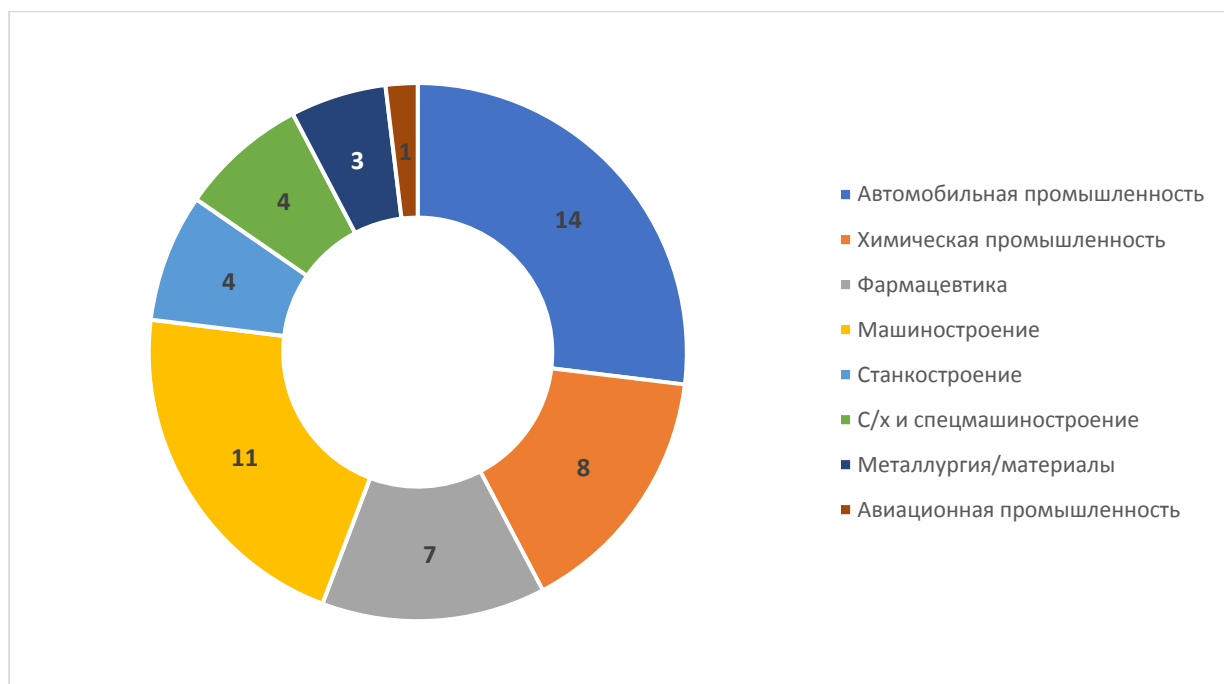

Рис. / Fig. Количество специальных инвестиционных контрактов, заключенных в Российской Федерации по отраслям промышленности в 2016–2022 гг., шт. / The number of special investment contracts concluded in the Russian Federation by industry in 2016–2022, pcs.

Источник / Source: составлено автором по данным публичного реестра СПИК ГИСП. URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/spic/search/> (дата обращения: 29.03.2022) / compiled by the author according to the public register SPIC GISP. URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/spic/search/> (accessed on 29.03.2022).

ставляют 169,9 млрд руб.⁸ Всего в промышленности заключен 51 федеральный СПИК (см. рисунок).

Следует отметить еще один важный аспект: усовершенствованный механизм СПИК 2.0 не выделяет объем инвестиций в качестве главного критерия при конкурсном отборе проектных заявок. В первую очередь оцениваются сроки реализации проекта, уровень локализации производства и объем выручки, поскольку во главу угла актуальной государственной повестки поставлен результат в виде нового рыночного продукта.

В целях содействия реальному сектору национальной экономики в сжатые сроки был принят Федеральный закон от 14.03.2022 № 57-ФЗ «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “О промышленной политике в Российской Федерации” в части регулирования специальных инвестиционных контрактов”»⁹, который позволя-

ет продлевать действующие контракты СПИК 1.0 до максимального срока (12 лет), а также заключать новые. Тактическое решение о возобновлении механизма СПИК 1.0 в текущей сложной для российской экономики ситуации способствует поддержке компаний, на реализацию инвестиционных проектов которых оказали негативное влияние ограничительные меры со стороны зарубежных партнеров.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА В АВТОПРОМЕ, ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ МАШИНОСТРОЕНИИ И АВИАСТРОЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

С момента начала внедрения механизма СПИК наиболее активно проекты локализации осуществлялись в автомобильной промышленности,

изменений в статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “О промышленной политике в Российской Федерации” в части регулирования специальных инвестиционных контрактов”». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47643> (дата обращения: 02.04.2022).

⁸ ГИСП. Реестр СПИК (публичный). URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/spic/search/> (дата обращения: 02.04.2022).

⁹ Федеральный закон от 14.03.2022 № 57-ФЗ «О внесении

суммарный объем инвестиций по линии контрактов в отрасли превысил 176 млрд руб.¹⁰ Для оценки уровня локализации в автопроме Минпромторгом РФ была разработана балльная система, характеризующая уровень технологических операций и оснащения модельного ряда автомобилей российскими комплектующими¹¹.

Несмотря на то что проблематика создания национальной автокомпонентной отрасли поднималась еще в 2014 г. при введении первых пакетов антироссийских санкций, значительного продвижения в данном направлении не произошло. Это существенным образом усугубило состояние российского автопрома на современном этапе. Так, в 2020 г., при максимальном уровне шкалы локализации в 8800 баллов, у самой прибыльной российской модели «Lada Vesta» он не превышал 3300 баллов (37,5%), что соответствовало среднему показателю по отрасли. По сути, локализация только формально декларировалась, фактически же происходил отход от ее целей, а накопленные ранее компетенции все более утрачивались. Продукция иностранных производителей была локализована на минимальном уровне 1400 баллов (16%), что позволяло им получать доступ к госзакупкам и программам стимулирования спроса. При этом промышленного углубления автомобильного производства со стороны зарубежных инвесторов в целом не ожидалось ввиду того, что российский рынок не в состоянии обеспечить высокий уровень спроса на продукцию автоконцернов.

Сохраняющаяся рецессия, обусловленная пандемией коронавируса COVID-19, санкционное давление, волатильность валютного рынка и усиление геополитической эскалации способствовали разрыву налаженных производственных цепочек в большинстве отраслей национальной экономики. В автопроме продолжить работу смогли только 55% производственных мощностей, многие действующие производства вынуждены перейти на режим неполной занятости. Неритмичность обусловлена логистическими сбоями и отсутствием комплектующих, по причине чего менеджмент компаний вынужден принимать оперативные решения по

организационной реконфигурации. Так, руководство «АВТОВАЗ» согласовало создание единого автосборочного производства, интегрированного из 3-х площадок, что позволяет определенным образом маневрировать ресурсами и не прерывать производственный цикл. О приостановке деятельности на территории России заявили компании BMW, Mercedes, Volkswagen, Renault, Skoda, Volvo Group, Ford¹².

Перспективными контрагентами для России остаются китайские компании — это более 50 автопроизводителей, часть из которых ориентирована на российский рынок в долгосрочной перспективе. Несмотря на негативные тренды российского автомобильного рынка последних лет, доля китайского автопрома демонстрировала стабильный рост. Так, в 2021 г. в России было продано 116 тыс. китайских автомобилей, и это двукратное увеличение по сравнению с предыдущим годом¹³. Расширяя модельный ряд для российского рынка и активно наращивая дилерскую сеть, китайские разработчики сегодня имеют все шансы заполнить ниши западных производителей в случае их окончательного ухода с рынка, поскольку качество китайской сборки соответствует европейскому уровню, а цена продукции значительно ниже.

Необходимо также отметить, что до настоящего времени в России зарубежные инвесторы не реализовывали программы локализации двигателей инновационных типов, в то время как мировые автоконцерны приступили к активному переходу к экологическим типам силовых установок. В условиях анонсированного ужесточения контроля за углеводородными выбросами приоритеты отрасли должны быть уже в среднесрочной перспективе переориентированы на развитие транспорта, использующего электричество и водородное топливо.

Положительным примером являются деятельность российских компаний в отраслях энергетического машиностроения и двигателестроения: при активном сотрудничестве с зарубежными партнерами была достигнута практически полная локализация процессов в производстве, эксплуатации

¹⁰ ГИСП. Реестр СПИК (публичный). URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/spic/search/> (дата обращения: 29.03.2022).

¹¹ Сайт Правительства РФ. Введена балльная система оценки локализации автомобилестроения на территории URL: <http://government.ru/docs/36855/> (дата обращения: 02.04.2022).

¹² Сайт Коммерсант.ru. Какой иностранный бизнес прервал работу в России. Список компаний и организаций. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5240137?tg> (дата обращения: 01.04.2022).

¹³ AA Avtostat.ru. Продажи «китайцев» в 2021 году выросли в 2 раза. Их доля — тоже удвоилась. URL: <https://www.avtostat.ru/news/50416/> (дата обращения: 01.04.2022).

и сервисе. Успехи в этом направлении отмечаются в деятельности ПАО ОДК «Сатурн». Предприятие в структуре госкорпорации «Ростех» реализует полный цикл по созданию новых продуктов: от проектирования до серийного производства и сервисного обслуживания газотурбинных двигателей для авиации, энергогенерирующих установок, судов, морских промышленных объектов. Серия НИ-ОКР, проведенных в 2014–2017 гг., способствовала созданию линейки отечественных двигателей для морских судов, что позволило полностью отказаться от данных устройств иностранного производства и закрыть потребности флота в краткосрочной и среднесрочной перспективах. «Сатурн» входит в инновационный территориальный кластер «Газотурбостроение и энергомашстроение» Ярославской области, чьи ключевые игроки технологического цикла активно взаимодействуют с ведущими организациями научно-образовательного сектора по профильным направлениям производства, а также с малыми и средними инновационными компаниями.

Ситуация, сложившаяся с реализацией проектов для российской авиастроительной отрасли, не столь однозначна. В настоящее время в условиях уже сточения санкционных ограничений эксплуатации гражданских самолетов, произведенных за рубежом, перед российской авиационной промышленностью стоят масштабные задачи по расширению выпуска уже существующих моделей самолетов в сжатые сроки. Еще в 2017 г. совместное российско-французское предприятие PowerJet (Sara Aircraft Engines и «ОДК-Сатурн») обозначило планы по локализации в России производства двигателей SaM 146 для ближнемагистральных самолетов «Sukhoi Superjet 100» до 55% на первом этапе и до 80% — на втором. В начале текущего года французская сторона заявила о прекращении поддержки данного проекта. В этих условиях Минпромторг РФ анонсировал заказ на подготовку и проведение испытаний на 97% импортозамещенной версии «Sukhoi Superjet New», разрабатываемой с 2018 г. Сертифицировать модель планируют в 2023 г., а начать поставки российским авиакомпаниям с 2024 г.

Также с 2024 г. в серийное производство будет запущен российский среднемагистральный самолет «МС-21», создаваемый корпорацией «Иркут» совместно с АО «ОКБ им А. С. Яковлева». Как и все основные разработки авиационной отрасли, этот проект был существенно зависим от импорта дви-

гателей и авионики. Импортозамещенная версия лайнера уже оснащена отечественным двигателем Пермского завода ПД-14, в настоящее время прорабатывается вопрос по использованию в ней отечественной компонентной базы.

Кроме того, Правительством РФ заявлено о восстановлении серийного производства среднемагистрального самолета «Ту-214», который выпускается по единичным спецзаказам на Казанском авиационном заводе (филиал ПАО «Туполев»). С точки зрения государственных расходов — это наиболее бюджетный авиастроительный проект в настоящее время, так как предстоит увеличить масштабы производства уже готовой модели. «Ту-214» состоит по большей части из российских комплектующих, импортозамещение авионики предполагается осуществить в течение года. Принято решение о возобновлении работы по приостановленному в 2010-х гг. проекту создания обновленной версии «Ту-214 СМ», которая по своим основным характеристикам близка к аналогам Boeing и Airbus.

РЕАЛИЗУЕМЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РФ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В связи с существенным ростом спроса на промышленную продукцию российского производства, связанным с ограничением предложения из-за кратного усиления санкционного давления, в марте 2022 г. Минпромторг РФ организовал работу цифрового сервиса «Биржа импортозамещения» на базе ресурсов ГИСП¹⁴. Данная площадка позволяет без дополнительных затрат и посредников увязать запросы на продукцию и комплектующие материалы с ценовыми предложениями поставщиков. В функционале каталога «санкционные товары» возможно осуществление поиска потенциальных отечественных производителей. Каталог «импортозамещающая продукция», в свою очередь, позволяет выйти на аналоги, производство которых в стране уже имеет место.

Анонсирован запуск комплексной научно-технической программы (КНТП) по созданию инновационных цепочек полного цикла, целью которой заявлено выстраивание вертикали отечественных

¹⁴ ЭТП ГПБ. Сервис импортозамещения. URL: <https://etpgpb.ru/portal/import-substitution/> (дата обращения: 04.04.2022).

разработок от фундаментальной науки до опытных партий инновационной продукции. Ее реализация осуществляется в интеграционном взаимодействии Российской академии наук, Минпромторга РФ и Агентства по технологическому развитию. Упор сделан на максимально ускоренное доведение проектов импортозамещения до стадии производства. Рабочие группы КНТП сконцентрированы по 6 ключевым направлениям: станкостроение, лазерные и оптические технологии, микроэлектроника, медтехника, малотоннажная химия и фармацевтика.

Всего на поддержку инвестиционных проектов в области перспективных технологий по линии импортозамещения в национальном промышленном комплексе направлено 20 млрд руб., которые поступят производителям в виде льготных займов через механизмы ФРП¹⁵.

Таким образом, инициативы, реализуемые в настоящее время Правительством РФ в рамках государственной промышленной политики, направлены главным образом на поддержание устойчивости экономики, выработку инновационных решений, способных в среднесрочной перспективе повысить технологический уровень российского производства на основе отечественных разработок. Констатация неизбежности структурной трансформации российской экономики под воздействием санкционных экономических шоков и ее стратегическая переориентация на сотрудничество с партнерами из Азиатского региона обуславливают поиск новых точек экономического роста. По прогнозам представителей технологического предпринимательства и венчурного рынка, на выходе из текущего кризиса Россия имеет все шансы сформировать экономику, не только интегрированную в новые рыночные ниши, но и обеспеченную реальным инновационным внутренним спросом, благодаря локализации производства и импортозамещению [36].

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Международный опыт внедрения комплексных программ развития локализации в целом свидетель-

ствует о наличии позитивных структурных трансформаций производственного сектора экономики в части наращивания инновационной составляющей и экспортно ориентированного потенциала. Эффективность реализованных за рубежом проектов определялась, главным образом, состоянием рыночной конъюнктуры, уровнем развития технологий, инвестиционным климатом, своевременностью и адресностью протекционистских мер поддержки перспективных отраслей, возможностями встраивания в глобальные цепочки производства.

2. В связи с изменением геополитической обстановки и усилением санкционного режима приоритетами для российской экономики становятся локализация национальных производственных цепочек полного цикла, формирование ключевых компетенций для достижения технологической независимости, обеспечение высокого уровня конкурентоспособности конечной продукции и переориентация на новые рынки. Важнейшим условием является переход от декларативного к реальному импортозамещению в отраслях реального сектора экономики.

3. На современном этапе России необходима эффективная стратегия локализации производства, соответствующая новым вызовам и целям национальной безопасности. При этом меры поддержки отраслей и системообразующих предприятий в рамках государственной промышленной политики должны четко соотноситься с планами по части целевых установок импортозамещения, масштабирования инновационных технологических решений и возможностей оперативной корректировки нормативной и финансовой составляющих.

4. Для успешного преодоления кризисных явлений необходимо существенное усиление взаимодействия российской науки и производства, особенно в инновационной сфере, обеспечение согласованности приоритетов и инструментов поддержки научно-технологического развития на всех уровнях управляющей системы, повышение вовлеченности регионов в реализацию научно-технических программ и проектов, активизация роли межрегиональной кооперации, в том числе в направлении использования действующей инфраструктуры территорий с преференциальными режимами для запуска новых производств, а также содействие технологическому трансферу между оборонным и гражданским секторами в контексте развития технологий двойного назначения.

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 01.04.2022 № 711-р. URL: <http://government.ru/docs/all/140201/> (дата обращения: 04.04.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schumpeter J.A. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Berlin: Duncker & Humblot; 1912. 548 p.
2. Тюнен И. Изолированное государство. Пер. с нем. М.: Экономическая жизнь; 1926. 325 с.
3. Вебер А. Теория размещения промышленности. Пер. с нем. Л.-М.: Книга; 1926. 223 с.
4. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Jena: Gustav Fischer; 1933. 340 p.
5. Леш А. Географическое размещение хозяйства. Пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит.; 1959. 455 с.
6. Isard W. Location and space economy: A general theory relating to industrial location, market areas, land use, trade, and urban structure. Cambridge, MA: Technology Press; New York: John Wiley & Sons; 1956. 350 p.
7. Pred A.R. The spatial dynamics of U.S. urban-industrial growth, 1800–1914. Cambridge, MA: The MIT Press; 1966. 225 p.
8. Pottier P. Axes de communication et developpement economique. *Revue économique*. 1963;14(1):58–132. DOI: 10.2307/3499503
9. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения. Пер. с англ. *Пространственная экономика*. 2007;(2):77–93.
10. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *The Journal of Political Economy*. 1991;99(3):483–499. DOI: 10.1086/261763
11. Romer P. Increasing returns and new developments in the theory of growth. NBER Working Paper. 1989;(3098). DOI: 10.3386/w3098
12. Портер М. Международная конкуренция. Пер. с англ. М.: Международные отношения; 1993. 896 с.
13. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль; 1969. 335 с.
14. Гранберг А.Г. Экономика и социология пространства. *Экономическое возрождение России*. 2010;(4):55–57.
15. Татаркин А.И. Пространственные факторы системной модернизации Российской Федерации. *Бизнес, менеджмент и право*. 2012;(1):36–45.
16. Суслов В.И. Проблемы и сценарии пространственного развития России. *Экономика Востока России*. 2017;(1):47–51.
17. Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Локализация зарубежного производства как инструмент развития экспортной базы. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019;12(3):24–38. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.2
18. Кондратьев В.Б. Политика локализации в нефтегазовой промышленности. *Горная промышленность*. 2016;(3):64–70.
19. Белякова М.Ю. Роль государства в развитии нефтегазового комплекса Норвегии. *Деловой журнал Neftegaz.RU*. 2020;(11):84–88.
20. Skjeldal G., Berge U. Feber. Historia om norsk olje og gass. Oslo: Cappelen Damm; 2009. 326 p.
21. Klassen J. Joining empire: The political economy of the new Canadian foreign policy. Toronto: University of Toronto Press; 2014. 329 p. DOI: 10.1017/S 0008423917001275
22. Walker C., Baxter J. Toolkit for turbines: Wind energy development in Ontario and Nova Scotia, Canada. Ontario: Western University; 2017. 22 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.23338.41921
23. Alvarez R.B. Estructura y recomposición de la industria automotriz mundial. Oportunidades y perspectivas para México. *Economía UNAM*. 2013;10(30):75–92. DOI: 10.1016/S1665-952X(13)72204-7
24. Нутенко Л.Я. Промышленная политика Бразилии: курс на локализацию и инновации. *Латинская Америка*. 2015;(10):36–47.
25. Santos R., Junior R., Adami V. Analysis of the effects of the New Automotive Regime (1996–1999) and Inovar-Auto (2012–2017). *Brazilian Journal of Political Economy*. 2021;41(1):137–154. DOI: 10.1590/0101-31572021-2992
26. Bellini C., Moreno V., Graeml A., Jacks T. Information technology issues in Brazil. In: The World IT Project. Singapore: World Scientific; 2020:43–55. DOI: 10.1142/9789811208645_0004
27. Maia D., Alves E., Rolim S., Silva F., Melo F., Fernandes M. A inovação tecnológica atrelada ao estímulo sustentável: uma análise no Centro Tecnológico do Porto Digital em Pernambuco. *Research Society and Development*. 2021;10(12): e104101219666. DOI: 10.33448/rsd-v10i12.19666

28. Овчинникова А.В., Тополева Т.Н. Кластеризация экономического пространства как фактор роста конкурентоспособности национальной экономики. *Управленческие науки*. 2020;10(2):41–52. DOI: 10.26794/2404-022X-2020-10-2-41-52
29. Березина Е. Кластер-класс: Минпромторг изменит систему поддержки промышленных и промышленных парков. *Российская газета*. 2020;(175). URL: <https://rg.ru/2020/08/09/minpromtorg-izmenit-sistemu-podderzhki-promyshlennyh-i-industrialnyh-parkov.html> (дата обращения: 02.04.2022).
30. Шаталова О.М. Об организационно-экономическом механизме инновационного научно-технологического центра как полюса роста и устойчивого развития региональной экономики. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2021;31(4):610–620. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-610-620
31. Сутыгина А.И. Национальная продовольственная независимость в условиях кризиса. *Экономика сельского хозяйства России*. 2020;(6):2–8. DOI: 10.32651/206–2
32. Ильина С.В. Экономическая эффективность производственных предприятий: теоретические и практические аспекты. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2022;32(1):27–32. DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-1-27-32
33. Буньковский Д.В. Развитие предприятий нефтегазовой промышленности: перспективы импортозамещения. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020;1(10):80–86. DOI: 10.34684/ek.ur.p.r.2020.10.01.009
34. Трофимова Н.Н. Инновационная модель развития социально-экономического пространства. *Альманах Крым*. 2021;(24):113–117.
35. Евстафьева Ю.В. Опыт применения и совершенствования специального инвестиционного контракта. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2019;(3):152–167. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10038
36. Кром Е. Прогноз предпринимателей: «2023-й будет годом роста». РБК. 09.04.2022. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/09/04/2022/624e90dd9a79479f7e8ac2df (дата обращения: 06.04.2022).

REFERENCES

1. Schumpeter J.A. *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Berlin: Duncker & Humblot; 1912. 548 p.
2. Thünen J.H. von. *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Hamburg: Perthes Verlag; 1826. 678 p. (Russ. ed.: Thünen J. *Izolirovannoe gosudarstvo*. Moscow: Ekonomicheskaya zhizn'; 1926. 325 p.).
3. Weber A. *Über den Standort der Industrien*. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr; 1909. 246 p. (Russ. ed.: Weber A. *Teoriya razmeshcheniya promyshlennosti*. Leningrad-Moscow: Kniga; 1926. 223 p.).
4. Christaller W. *Die zentralen Orte in Süddeutschland*. Jena: Gustav Fischer; 1933. 340 p.
5. Lösch A. *Die räumliche Ordnung der Wirtschaft: eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalem Handel*. Jena: Fischer Verlag; 1940. 348 p. (Russ. ed.: Lösch A. *Geograficheskoe razmeshchenie khozyaistva*. Moscow: Foreign Literature Publ.; 1959. 455 p.).
6. Isard W. *Location and space economy: A general theory relating to industrial location, market areas, land use, trade, and urban structure*. Cambridge, MA: Technology Press; New York: John Wiley & Sons; 1956. 350 p.
7. Pred A.R. *The spatial dynamics of U.S. urban-industrial growth, 1800–1914*. Cambridge, MA: The MIT Press; 1966. 225 p.
8. Pottier P. Axes de communication et developpement economique. *Revue économique*. 1963;14(1):58–132. DOI: 10.2307/3499503
9. Perroux F. Economic space: Theory and applications. Transl. from Eng. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2007;(2):77–93. (In Russ.).
10. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *The Journal of Political Economy*. 1991;99(3):483–499. DOI: 10.1086/261763
11. Romer P. Increasing returns and new developments in the theory of growth. NBER Working Paper. 1989;(3098). DOI: 10.3386/w3098

12. Porter M.E. The competitive advantage of nations. New York: The Free Press; 1990. 896 p. (Russ. ed.: Porter M. Mezhdunarodnaya konkurentsiya. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1993. 896 p.).
13. Kolosovskii N.N. Theory of economic zoning. Moscow: Mysl'; 1969. 395 p. (In Russ.).
14. Granberg A. G. Economics and sociology of space. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = The Economic Revival of Russia*. 2010;(4):55–57. (In Russ.).
15. Tatarkin A. I. Spatial factors of the system modernization of the Russian Federation. *Biznes, menedzhment i pravo = Business, Management and Law*. 2012;(1):36–45. (In Russ.).
16. Suslov V. I. Problems and scenarios of spatial development of Russia. *Ekonomika Vostoka Rossii = Economics of Russian East*. 2017;(1):47–51. (In Russ.).
17. Lavrikova Yu. G., Andreeva E. L., Ratner A. V. Localization of foreign production as a tool to develop export base of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(3):24–38. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.2 (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2019;12(3):24–38).
18. Kondratyev V. B. Localization policy in oil and gas industry. *Gornaya Promyshlennost' = Russian Mining Industry*. 2016;(3):64–70. (In Russ.).
19. Belyakova M. Yu. The role of the state in the development of the oil and gas complex in Norway. *Delovoi Zhurnal Neftegaz.RU = Business Magazine Neftegaz.RU*. 2020;(11):84–88. (In Russ.).
20. Skjeldal G., Berge U. Feber. Historia om norsk olje og gass. Oslo: Cappelen Damm; 2009. 326 p.
21. Klassen J. Joining empire: The political economy of the new Canadian foreign policy. Toronto: University of Toronto Press; 2014. 329 p. DOI: 10.1017/S 0008423917001275
22. Walker C., Baxter J. Toolkit for turbines: Wind energy development in Ontario and Nova Scotia, Canada. Ontario: Western University; 2017. 22 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.23338.41921
23. Alvarez R. B. Estructura y recomposición de la industria automotriz mundial. Oportunidades y perspectivas para México. *Economia UNAM*. 2013;10(30):75–92. DOI: 10.1016/S 1665–952X(13)72204–7
24. Nutenko L. Ya. Brazilian industrial policy: a course towards localization and innovation. *Latinskaya Amerika*. 2015;(10):36–47. (In Russ.).
25. Santos R., Junior R., Adami V. Analysis of the effects of the New Automotive Regime (1996–1999) and Inovar-Auto (2012–2017). *Brazilian Journal of Political Economy*. 2021;41(1):137–154. DOI: 10.1590/0101-31572021-2992
26. Bellini C., Moreno V., Graeml A., Jacks T. Information technology issues in Brazil. In: The World IT Project. Singapore: World Scientific; 2020:43–55. DOI: 10.1142/9789811208645_0004
27. Maia D., Alves E., Rolim S., Silva F., Melo F., Fernandes M. A inovação tecnológica atrelada ao estímulo sustentável: uma análise no Centro Tecnológico do Porto Digital em Pernambuco. *Research Society and Development*. 2021;10(12): e104101219666. DOI:10.33448/rsd-v10i12.19666
28. Ovchinnikova A. V., Topoleva T. N. Clusterization of the economic space as a factor in the growth of the national economy competitiveness. *Upravlencheskie Nauki = Management Sciences in Russia*. 2020;10(2):41–52. (In Russ.). DOI: 10.26794/2404-022X-2020-10-2-41-52
29. Berezina E. Cluster-class: The Ministry of Industry and Trade will change the support system for industrial parks. Rossiiskaya gazeta. 2020;(175). URL: <https://rg.ru/2020/08/09/minpromtorg-izmenit-sistemu-podderzhki-promyshlennyh-i-industrialnyh-parkov.html> (accessed on 04.04.2022). (In Russ.).
30. Shatalova O. M. On the organizational and economic mechanisms of formation of an innovative scientific and technological center for ensuring the sustainable development of the regional economy. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i Pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2021;31(4):610–620. (In Russ.). DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-610-620
31. Sutygina A. I. National food independence in crisis. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of Agriculture in Russia*. 2020;(6):2–8. (In Russ.). DOI: 10.32651/206–2
32. Il'ina S. V. Economic efficiency of manufacturing enterprises: Theoretical and practical aspects. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i Pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2022;32(1):27–32. (In Russ.). DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-1-27-32

33. Bun'kovsky D.V. Development of oil and gas industry enterprises: Prospects for import substitution. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* = *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2020;1(10):80–86. (In Russ.). DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.10.01.009
34. Trofimova N.N. An innovative model for the development of the socio-economic space. *Al'manakh Krym* = *Almanac Crimea*. 2021;(24):113–117. (In Russ.).
35. Evstafieva Yu.V. Experience of application and development of special investment contract. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* = *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019;(3):152–167. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10038
36. Krom E. Forecast of entrepreneurs: “2023 will be a year of growth”. RBC. Apr. 09, 2022. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/09/04/2022/624e90dd9a79479f7e8ac2df (accessed on 05.04.2022). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Николаевна Тополева — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института экономики Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия

Tat'yana N. Topoleva — Cand. Sci. (Econ.), Senior researcher of the Udmurt Branch of Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Science, Izhevsk, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1518-0019>
tn-topoleva@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 15.04.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 11.04.2022; revised on 13.04.2022 and accepted for publication on 15.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.